

ПЕРОЗИО Г. А. — в ПОМПОЛИТ
О ПЕРОЗИО Г. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ПЕРОЗИО Георгий Александрович, родился в 1890-х. Получил незаконченное высшее образование, журналист. Проживал в Краснодаре, в 1919 — служил в Осваге армии Деникина, в 1920 — в экспедиционном полку, затем — в советском издательстве. Женат на Милице Леонтьевне Перозио. В сентябре 1921 — привлечался к следствию по делу Освага, позднее дело было прекращено по ноябрьской амнистии. 9 октября 1924 — арестован, 12 декабря приговорен к 3 годам ИТЛ и в феврале 1925 — отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В марте 1925 — обратился за помощью в Помполит.

<20 марта 1925>

«В Красный Крест
Помощи Политическим Заключенным

Политического этапного
Перозио Георгия

Заявление

Я итальянец, родственник духовного композитора Перозио и журналистов Джиовани и Джулио Перозио. Крайне нуждаюсь в одежде (костюм совершенно истрепался), в белье, в продуктах питания, в лимонной кислоте, как противочинготном средстве. Следую в Соловки на три года и, совершенно не имея денег, прошу не отказать ходатайствовать перед итальянским консульством об оказании мне возможной помощи и об уведомлении поименованных моих родственников в Италии, они или в Риме, или в Генуе.

Осужден я по ст<атье> 60 УК за службу в 1919 году в телеграфном агентстве печати при Деникине. По профессии я журналист.

23 февраля 1925 г<ода>.

К сему Г. Перозио»¹.

На письме — помета секретаря ПКК:

«Дело пересмотрено».

Действительно, 20 февраля 1925 — приговор Георгию Перозио был пересмотрен и вместо лагеря он был выслан в Краснококшайск Марийской области. В июне 1926 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена Милица Леонтьевна Перозио.

<1 июня 1926>

«Председательнице Комитета Помощи
Политическим заключенным.

гр<ажданки> Перозио Милицы
Леонтьевны, прожив<ающей>
по Карасунской ул<ице>, № 91
в гор<оде> Краснодаре,
Куб<анской> области.

Заявление

В ночь на 9 октября 1924 г<ода> Кубанским Окружным Отделением Государственного Политического Управления был арестован мой муж

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 87. С. 50. Автограф.

Перозио Георгий Александрович. Обвинение ему предъявлено по 60 ст<атье> Уг<оловного> Код<екса> за службу в осведомительном агентстве Деникинской армии в 1919 году. Между тем:

1) Дело о работе мужа в Осваге расследовалось Кубанской Чрезвычайной Комиссией в сентябре месяце 1921 г<ода> безо всякого личного задержания и подошло под амнистию ВЦИК 7 ноября 1921 г<ода>, вследствие чего преследование мужа по этому делу является нарушением п<ункта> 4 <нрзб.> Код<екса>. Кроме того, муж мой работу в Осваге не скрывал. В 1920 г<оду> он был мобилизован в экс<педиционный> полк по приказу тов<арища> Атарбекова.

2) По существу дела ясно, что работа мужа в Осваге не носила одиозного, враждебного революции характера, почему она не заключала в себе состава преступления против Сов<етской> власти. Но при ведении следствия, насколько мне известно, не был установлен этот основной факт характера работы мужа в Осваге, так как при обыске не были взяты, а затем и истребованы печатные статьи и рукописные материалы мужа.

3) По профессии муж мой журналист. Работал в Осваге как обыкновенный спец<иалист> в обыкновенном Осведомительном или телеграфном агентстве прессы. Затем работал в Красной печати, существуя на случайный и неопределенный заработок.

4) Мой муж человек больной...².

5) По постановлению Полномочного представителя Юго-Востока России от 12/XII-24 г<ода> № 1786 муж мой был выслан на три года в Соловки, куда был направлен из гор<ода> Краснодара 11 февраля 1925 г<ода> и где пробыл полтора месяца, после чего постановление Центром было изменено, и его выслали на остающийся срок, т<о> е<сть> на 2½ года, на вольное поселение в Мордвинскую Область гор<ода> Краснококшайск, куда он уже прибыл, и находится в ужасных материальных условиях.

6) Лично мое положение безвыходное, положительно ничем материально не обеспечено. Живу на один урок, получая 10 руб<лей> в месяц. Теперь хочу выехать к мужу, надеясь, что он там, может быть, найдет себе какой-либо заработок, может, и я найду какую-либо работу, и вместе жить будет легче, но за отсутствием средств выехать не могу.

На основании изложенного прошу Вас оказать возможную помощь моему мужу и оказать материальную поддержку мне выехать к мужу.

О результате прошу сообщить по указанному выше адресу.

М. Перозио.

1/VI-26 г<ода>»³.

В апреле 1928 — Георгий Александрович Перозио обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<20 апреля 1928>

«г<ород> Москва
Кузнецкий Мост, 16

КОМИТЕТ ПОМОЩИ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ.

Е. П. ПЕШКОВОЙ

Административно ссыльного,
Г. А. ПЕРОЗИО

ЗАЯВЛЕНИЕ

² Далее перечисляются тяжелые болезни мужа.

³ ГАРФ. Ф. Р08409. Оп.1. Д. 87. С. 51а- 52. Автограф.

Постановлением Особого Совещания ОГПУ от 12 декабря 1924 г<ода> я был приговорен к заключению в концлагерь на 3 года. Затем, 20 февраля 1925 г<ода> дело мое было пересмотрено и было постановлено выслать меня на оставшийся срок в Марийскую автономную область. Стало быть, срок моей ссылки окончился 12 декабря 1927 г<ода>. Между тем, никакого распоряжения обо мне до сих пор, вот уже 4 месяца, нет, и я остаюсь в Марийской области на положении ссыльного и снят с работы. На мои запросы Марийский О<собый> О<тдел> ГПУ отвечает, что документов обо мне нет, и что напоминание в центр своевременно делается.

Прошу не отказать навести справки о причинах задержки распоряжения обо мне и о результатах сообщить. Кроме того, прошу не отказать разъяснить, распространяется ли на меня амнистия ЦИК к 10-тилетию Октябрьской революции.

Сослан я за службу в осведомительном агентстве печати (Осваге) при деникинской армии на Кубани в 1919 г<оду>.

По социальному положению — сын техника фарфорового производства, никогда никакой собственности не имел, по образованию — недоучившийся студент, по профессии — литератор, по мировоззрению — марксист. С учением научного социализма (марксизмом) познакомился в 1910 г<оду> по сочинениям Маркса, Энгельса, отчасти Каутского, Плеханова и принял его, как единственно возможное, на мой взгляд, объяснение общественного развития. Но политикой, как таковой, не занимался и ни к какой партии никогда не принадлежал. Мне казалось, что социалисти<ческая> революция осуществится за границей, в Германии или во Франции, во всяком случае раньше, чем у нас. С сочинения<ми> других авторов знаком не был. Настроен был всегда революционн<о>, постоянно и непременно оказывал революционерам содействие распространением брошюр, листовок, пряча материал и собирая деньги на нужды революции. 9 и 10 января 1905 г<ода>, еще учеником, участвовал в работе летучего отряда Красного Креста и едва не был убит.

Служба моя в Осваге имела место с апреля по ноябрь 1919 г<ода>.

В то время политическое положение на юге было крайне затемнено, противоречиво и спутанно. Все сведения о Советской России говорили о том, что дни советской власти сочтены. Тоже говорили сообщения из-за границы и Сибири.

Суть была не в том, что Советской власти грозил вооруженный разгром. Никакого участия и ни в какой организации в лагере буржуазии просто вооруженной силой, громящей рабочую власть, я бы не принял. Но суть была в том, что сами по себе задачи Октябрьской революции, как революции социалистической, тогда на юге представлялись для Советской власти неосуществимыми. Во-первых, со времени Октябрьской революции прошло уже полтора года, а революции на западе все не было. Империалистическая война закончилась, демобилизация проходила без осложнений и наблюдался небывалый подъем национальных настроений и шовинизма. Никаких признаков революции не было. По крайней мере, такие сведения были у нас на юге. Отсутствие же революции на западе казалось решающим для судеб Октября. Такое заблуждение с моей стороны в то время понятно, так как с проработкой этого вопроса Лениным я знаком не был.

Таковы были внешние обстоятельства, таковыми же представлялись и внутренние. На юге был чрезвычайно распространен, так называемый, бытовой большевизм, анархо-крестьянские течения, тяготевшие к советской власти, но не обнаруживавшие способности к социалистическому строительству. Лозунг: "Советы, но без коммунистов", позднее подхваченный Милюковым, выдвинут в то время этим анархо-

крестьянским течением. Тогда мне передавали (и писалось об этом), что с таким лозунгом выступают некоторые атаманы и батько Махно. Теперь, после НЭПа, возможность преодоления этих анархо-крестьянских настроений очевидна сама собой. Но тогда этой возможности преодоления видно не было. Тогда можно было не видеть или недооценивать этих настроений крестьянства, но кто их видел, тот должен был или придумать для их преодоления НЭП, как позднее сделал Ленин, или считать их для рабочей власти непреодолимыми. Без НЭПа они и в самом деле были непреодолимы. Потому то Ильич и любил повторять, что "мы пойдем к социализму не иначе, как через НЭП".

Отсюда ясно, в каком безвыходном тупике представлялась в 1919 г<оду> на юге Октябрьская революция.

Но, если социалистические задачи Октября представлялись неосуществимыми, тогда какие же основания я имел не работать в буржуазной организации? Ясно, что при таких условиях вопрос мог идти только о том, чтобы моя работа была политически честна. Осваг в то время предоставлял возможность такой работы. Его состав не был однородным и господствовавший в нем тон был вполне приличным. Там работали Евгений Чириков, Куприн, Бунин и ряд профессоров, некоторые с европейскими именами. Это было осведомительное агентство печати и непосредственно общества, установленное для восполнения общественной связи и информации, порванных вследствие гражданской войны, дезорганизации почты и телеграфа, и недостатка прессы. Меня и приглашали туда, как литератора, знакомого с техникой телеграфной и газетной информации. Налаживание правильной информации печати и общества, вот единственная цель организации, как мне говорили. И, действительно, вся печать юга в то время пользовалась информацией Освага, имевшего широкую агентуру и телеграфную связь по всему югу и с границей. В этой плоскости работал и я, и эта работа носила характер правительственного телеграфного агентства. Только позднее, после организации в Ростове Отдела Пропаганды, работа Освага стала приобретать характер черносотенной агитации и сбиваться на политический авантюризм. Как только эти черты определились, я подал заявление об уходе, и хотя меня сразу не отпустили, но уже с осени 1919 г<ода>, когда работниками Освага (головой) велись интриги против Рады, и готовилось повешение Кулабухова, я никакого участия в работе не принимал.

Вспоминая и анализируя теперь все, что мне пришлось делать в Осваге, я могу сказать с полным убеждением и вполне честно, что вся лично моя работа в нем не принесла вреда ни Октябрьской революции, ни Советской власти, ни рабочему классу и не была использована во вред им.

Поэтому мне кажется, что я подхожу под амнистию ЦИК, как повинный в таком участии в контрреволюционной организации, которое давно утратило всякую социальную опасность или даже и вовсе не было социально опасным, тем более, что в 1920-21 г<одах>, во время очищения Кубани от белых, я оказал Октябрьской революции существенные услуги, занимая ответственные должности, даже с риском для жизни, и во время десанта Врангеля должен был эвакуироваться с сов<етской> властью. Между прочим, я активно участвовал в советизации Кубано-Черноморской области и в № 4 "Известий Кубано-Черноморского Областного Отдела Управления" от 8 декабря 1920 г<ода> напечатал за полной подписью статью о советизации Куб<анской> чер<номорской> области. Этим я гласно и бесповоротно ставил себя в лагерь Октября. Совершенно ясно, что если бы после этого я попался бело-зеленым (а попасться рисковали в то время все советские работники Кубани) я бы был подвергнут мучительной смерти.

Г. Перозио.

Йошкар-Ола (Краснококшайск),
Марийской автономной области.
До востребования.
Георгию Александровичу ПЕРОЗИО.

Апреля "20" дня 1928 года»⁴.

*На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:
«Запр<осить> КРО».*

*Ниже — помета заведующего юридическим отделом Помполита:
«¼ по амн<истии>, своб<одное> прож<ивание>».*

*В мае 1928 — заведующий юридическим отделом Помполита
сообщил Георгию Перозио об ответе ОГПУ.*

<8 мая 1928>

«ПЕРОЗИО Георгию Александровичу

Йошкар-Ола, Краснококшайск
Марийская область.
До востребования.

В ответ на Ваш запрос, согласно справке, полученной из ОГПУ,
сообщаю, что Вам по амнистии сокращен срок на ¼ и разрешено
свободное проживание»⁵.

---

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 263. С. 295-296. Машинопись, подпись — автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 263. С. 294. Машинопись.